Z 48 487

58.

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА
„СВОБОДНОЕ СЛОВО"

248—
487

А. УЛЬЯНОВЪ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РАЗРУХА.

Цѣна 10 коп.

ИЗД. Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

Н
431

Ab
Дубл. 19615

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1917.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 28353 1964

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РАЗРУХА.

Самодержавіе въ Россіи рушилось, ушло въ прошлое и не должно никогда возвращаться. Русскій народъ долженъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы истребить въ Россіи всѣ слѣды самодержавной власти. Не нужно намъ самодержавія и не нужно никакой монархіи. Пусть народъ управляется самъ, черезъ своихъ выборныхъ людей, пусть будетъ всенародная, демократическая республика и да не будетъ у насъ никогда никакого царя.

Когда мы обратимъ свои взгляды назадъ и хорошенько разберемся въ томъ, до чего довело Великую Роесію царствованіе Николая II, тогда насъ внезапно охватитъ дрожь ужаса. Мы увидимъ тогда, что наканунѣ революціи Россія стояла на краю гибели, ужасной пропасти и полнаго разрушенія.

Теперь можно съ увѣренностью сказать, что революція вспыхнула въ послѣдній часъ, въ тотъ нужный грозный часъ, когда всякое промедленіе было для Россіи смерти подобно.

Разруха россійскаго государства дошла передъ революціей до послѣдняго предѣла. Народъ и армія вмѣстѣ съ Государственной думой напрягали всѣ свои силы, чтобы удержаться передъ натискомъ грознаго и сильнаго своей организованностью, своей объединенностью врага, а русское правительство во главѣ съ царемъ дѣлало все, чтобы усилія народа, чтобы самоотверженіе арміи пропадали даромъ. Оно, это преступное правительство, старалось разобщить армію отъ народа, а народъ— отъ Государственной Думы. И въ этомъ стремленіи заключалась вся дѣятельность правительства, ни о чемъ другомъ оно не заботилось, какъ только о разобщеніи, разъединеніи и обезсиленіи народа.

Царское правительство не только не могло само справиться съ государственной разрухой, оно даже этого и не хотѣло. Среди него были люди, которые умышленно вели государство къ разрухѣ, къ полному безсилію и разладу, нарочно старались вызвать въ народѣ недовольство, волненія и безпорядки. Среди министровъ и самыхъ близкихъ къ царю лицъ были люди, которые вмѣстѣ съ женой царя, Александрой, стремились заключить съ нѣмцами отдѣльный (сепаратный) миръ, измѣнивъ союзникамъ. Для этихъ людей государственная разруха была на руку, народныя волненія и безпорядки могли бы послужить оправданіемъ для царя передъ союзниками при заключеніи мира съ нѣмцами.—Онъ могъ бы сказать: «какъ мнѣ продолжать войну,

когда внутри страны народъ волнуется и его нужно усмирять? Поневолѣ приходится заключать миръ съ нѣмцами, съ Германіей и Австріей». Только этого царица со своими приверженцами и добивалась.

Царь вмѣстѣ со своими министрами и придворными боялись народа, боялись арміи, боялись Государственной Думы. Они хорошо знали, что если народъ объединится съ Государственной Думой и арміей, то легко сброситъ съ своихъ плечъ правительство вмѣстѣ съ царемъ, какъ это и случилось теперь, а потому всѣ усилія употребляли къ тому, чтобы ихъ разъединить. Это имъ до поры, до времени и удавалось. Народъ почти не зналъ, что дѣлалось въ Государственной Думѣ, потому что доступа къ ней у него не было, а въ газетахъ правительство многого не позволяло печатать.

Не знала и Государственная Дума, о чемъ горевалъ и что думалъ народъ, потому что, въ свою очередь, и ей доступъ къ народу былъ запрещенъ: членамъ Государственной Думы не позволяли устраивать народныя собранія, а въ печати, въ газетахъ не позволяли писать и печатать о народныхъ думахъ, о народныхъ мысляхъ.

Не подпускали Государственную Думу и къ арміи. Армія не знала, что думаетъ и дѣлаетъ Государственная Дума, которая въ управленіи арміей совсѣмъ не участвовала. Все управленіе арміей находилось въ рукахъ преступнаго правительства и недостойнаго своего престола царя.

Они могли направить армію, куда хотѣли, могли прекратить войну, заключить миръ съ нѣмцами, отдать Россію на потокъ и разгробленіе врагамъ, а армію направить противъ своего же народа, если бы тогда народъ вздумалъ возстать противъ нихъ.

Оно бы такъ и было. Къ этому стремились государственные преступники — министры: Сухомлиновъ, Штюрмеръ, Протопоповъ и другіе во главѣ съ предательницей царицей Александрой. Если бы имъ не мѣшали наши союзницы, Англія и Франція, то миръ съ нѣмцами былъ бы давно заключенъ, и Вильгельмъ распоряжался бы Россіей какъ бы только хотѣлъ. И если бы тогда начались народныя волненія, и русскіе солдаты отказались бы усмирять свой родной народъ, Вильгельмъ далъ бы нашему царю сколько угодно своего войска для усмиренія русского народа. Вѣдь въ первую русскую революцію въ 1905-6 годахъ Вильгельмъ уже предлагалъ нашему ничтожному Николаю свою помощь, и нѣмецкія войска тогда уже готовы были перейти границу и вторгнуться въ Россію для усмиренія возставшаго народа. Только случайность помѣшала Николаю второму согласиться на это предложеніе Вильгельма и удержала его отъ позора и страшнаго преступленія передъ народомъ.

И вотъ теперь отъ такого же позора удержали царя Англія и Франція. Благодаря союзу Россіи съ свободными народами этихъ странъ русскому

народу удалось сохранить свою независимость отъ нѣмцевъ. А когда гнетъ царскаго правительства сталъ невыносимымъ и народъ понялъ, что страну ведутъ къ гибели, онъ возсталъ и освободился, наконецъ, отъ преступнаго правительства и ненужнаго царя.

Но, прежде чѣмъ дойти до революціоннаго взрыва, народъ немало выстрадалъ, особенно за два съ половиной года настоящей тяжелой міровой войны.

Когда Германія начала войну, то въ этой странѣ вся промышленность сразу же объединилась (мобилизовалась) съ единственною цѣлью работать на оборону, вырабатывать прежде всего то, что необходимо для арміи, и только во вторую очередь работать на нужды самого населенія. Мобилизація промышленности, объединеніе всѣхъ заводовъ и фабрикъ, всѣхъ, даже мелкихъ, мастерскихъ была создана у нѣмцевъ въ первые же дни войны.

У насъ же правительство не только объ этомъ не старалось, но даже не позволяло промышленникамъ объединяться, и все дѣло снабженія и снаряженія арміи держало подъ секретомъ. Во главѣ военнаго министерства съ самаго начала войны находился другъ предателя Мясоѣдова и самъ преступникъ Сухомлиновъ. Онъ всѣ усилія употреблялъ, чтобы дѣло снабженія и снаряженія арміи не выпустить изъ своихъ рукъ.

Когда черезъ великаго князя Николая Николаевича въ совѣтъ министровъ промышленники въ

самомъ началѣ войны внесли проектъ объ объединеніи промышленности для военныхъ цѣлей по примѣру Германіи, то отклонить этотъ проектъ при всемъ своемъ желаніи совѣтъ министровъ не могъ. Но онъ поступилъ проще. Вмѣсто мобилизаціи промышленности онъ пригласилъ на свои совѣщанія двухъ крупныхъ промышленниковъ только для совѣтовъ, тѣмъ и ограничилось объединеніе промышленности.

Военный министръ Сухомлиновъ настойчиво отмахивался отъ Государственной Думы, не появлялся въ ней, не давалъ ей никакихъ объясненій на ея запросы и старался держать ее въ потемкахъ, въ полномъ невѣдѣніи о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло снабженія арміи снарядами и оружіемъ.

Но вотъ уже въ первые мѣсяцы войны, къ концу 1914 года, какъ ни старался Сухомлиновъ скрывать правду, въ Государственной Думѣ появились свѣдѣнія о томъ, что дѣло снабженія арміи снарядами и оружіемъ стоитъ далеко не благополучно, а въ началѣ 1915 года Государственная Дума сдѣлала твердый запросъ объ этомъ военному министру. Сухомлиновъ отвѣчалъ на это, что снаряды будутъ, онъ за это отвѣчаетъ, и будутъ въ изобиліи не позже двухъ мѣсяцевъ.

Государственная Дума не очень-то вѣрила обѣщаніямъ министра, но все же не предполагала, что въ его словахъ кроется сплошной обманъ, что за зимніе болѣе спокойные мѣсяцы положеніе въ

снабженіи арміи оружіемъ и снарядами не улучшилось, а ухудшилось, да не предвидится улучшенія и въ будущемъ.

Ожидать подтвержденія опасеній, высказываемыхъ въ Думѣ, долго не пришлось. Въ маѣ мѣсяцѣ наши войска должны были за недостаткомъ оружія и снарядовъ отступать съ Карпатъ, занятыхъ съ такимъ трудомъ, пришлось вернуть австрійцамъ Ярославъ, Перемышль, Львовъ, а затѣмъ въ теченіе лѣта отдать нѣмцамъ и всѣ свои крѣпости вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ. Въ концѣ-концовъ оказалось во власти Австріи и Германіи пятнадцать губерній, принадлежавшихъ Россіи.

Весь этотъ страшный разгромъ произошелъ не по винѣ арміи, не по винѣ солдатъ и офицеровъ, и тѣ и другіе отстаивали родину мужественно и храбро и беззавѣтно умирали на поляхъ сраженія подъ градомъ вражескихъ снарядовъ. Виноваты въ этомъ разгромѣ тѣ, кто не могъ снабдить нашу армію оружіемъ и снарядами во время и въ достаточномъ количествѣ, не могъ—а можетъ-быть, и не хотѣлъ. Виновато все старое правительство, всѣ министры, а главнымъ образомъ виноватъ военный министръ Сухомлиновъ съ окружавшими его предателями.

Они всѣ тормозили дѣло обороны, они не давали объединяться народу и Государственной Думѣ для защиты отъ врага, они были противъ мобилизаціи промышленности, противъ ея объединенія для военныхъ надобностей.

Послѣ майскихъ событій въ Галиціи и отступленія нашихъ войскъ съ Карпатъ въ концѣ мая 1915 г. собрался съѣздъ представителей торговли и промышленности и подалъ голосъ за объединеніе торговли и промышленности для удовлетворенія нуждъ государственной обороны. За нимъ, за этимъ съѣздомъ послѣдовали Петроградская и Московская городскія думы и изъявили готовность обѣихъ столицъ отдать свои силы, способности и средства на борьбу съ врагомъ. Наконецъ Земскій и Городской союзы рѣшили также принять участіе въ дѣлѣ снабженія и снаряженія арміи.

Итакъ, самъ народъ въ лицѣ земствъ, городскихъ думъ, Городского и Земскаго союзовъ и промышленныхъ и торговыхъ обществъ начали объединяться въ дѣлѣ помощи арміи для борьбы съ врагомъ. Но это объединеніе, эта мобилизація промышленности могла сослужить службу только для будущаго, такъ какъ сразу или въ короткое время ни снарядовъ ни оружія заготовить было нельзя. А потому нашей многострадальной арміи, лишенной необходимаго запаса оружія и снарядовъ, пришлось въ продолженіе всего лѣта 1915 года отступать, сдавая врагамъ городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостью и губернію за губерніей.

Но и послѣ того, когда промышленность, Земскій и Городской союзы объединились и образовались военно-промышленные комитеты, и даже послѣ того, какъ военный министръ Сухомлиновъ

былъ устраненъ отъ должности, а затѣмъ и арестованъ по обвиненію въ измѣнѣ отечеству и въ покровительствѣ предателю Мясоѣдову, даже и послѣ всего этого правительство не давало широко развернуться мобилизованной, объединенной промышленности и объединеннымъ Городскому и Земскому союзамъ, въ дѣлѣ помощи арміи, въ снабженіи ея всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго отраженія враговъ.

Разруха государственная продолжалась. Кромѣ недостатка снарядовъ и оружія, какъ уже сказано раньше, все болѣе и болѣе обнаруживался недостатокъ продовольствія не только среди населенія, но и въ арміи. И въ этомъ дѣлѣ правительство отстранило отъ участія всѣ общественныя организаціи, а въ томъ числѣ и союзы Городской и Земскій съ самаго начала войны. Но само правительство справиться съ этимъ дѣломъ не могло и въ то же время, когда обнаружился недостатокъ въ арміи снарядовъ, пришлось поставить и вопросъ о дороговизнѣ, о недостаткѣ продуктовъ первой необходимости во всей полнотѣ передъ страной. Волей или неволей пришлось за него взяться, но только съ большимъ опозданіемъ, и когда дѣло было уже безнадежно испорчено.

Главной причиной страшной дороговизны продовольствія и всѣхъ продуктовъ первой необходимости является, конечно, многомилліонная армія. Вѣдь въ мирное время вся наша армія не достигала и двухъ милліоновъ, а во время насто-

ящей войны она выросла вмѣстѣ съ резервами и разными тыловыми частями до двадцати и даже болѣе милліоновъ. Всю эту огромную массу людей надо кормить, обувать, одѣвать. При этомъ сами эти люди ничего не производятъ, они только потребляютъ то, что добыто внутри страны, они живутъ на счетъ труда остального населенія, на счетъ государства. Въ то же время внутри Россіи число рабочихъ рукъ на многіе милліоны сократилось, сократилось на все то число людей, которое призвано въ войска, а потому и сократилось производство продуктовъ и, главнымъ образомъ, самыхъ необходимыхъ, а именно всякаго рода хлѣбовъ, такъ какъ сократились за недостаткомъ рукъ запашки и посѣвныя площади.

Но не одна эта естественная причина породила недостатокъ продуктовъ и дороговизну. И при существованіи этой причины смягчить остроту положенія было бы возможно, если бы все дѣло снабженія арміи и населенія продуктами первой необходимости было въ рукахъ народа. Но, къ несчастью, оно было въ рукахъ негоднаго царскаго правительства, въ рукахъ министровъ и ихъ помощниковъ.

Царскій министръ земледѣлія Риттихъ, на которомъ передъ революціей лежала забота о продовольствіи арміи хлѣбомъ, заботился только о томъ, чтобы не обидѣть крупныхъ помѣщиковъ, чтобы купить у нихъ хлѣбъ подороже. Своими мѣрами Риттихъ сдѣлалъ то, что смѣшалъ, такъ

сказать, всѣ цѣны, не осталось никакой опредѣленной цѣны на хлѣбъ. Получались самыя поразительныя несообразности, когда хлѣбъ везли не къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, а къ дальнѣйшей, окольными путями, чтобы получить назначенную министромъ Риттихомъ поверстную премію за провозъ хлѣба. Получилось то, что въ хлѣбородныхъ мѣстахъ хлѣбъ продавался по болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ въ мѣстахъ безхлѣбныхъ. Цѣны на хлѣбъ начали скакать такъ, что слѣдить за ними не было никакой возможности и въ концѣ-концовъ на хлѣбныхъ рынкахъ не было уже никакихъ твердо установленныхъ цѣнъ.

На ряду съ этимъ все меньше и меньше появлялось на рынкахъ товаровъ, нужныхъ сельскому жителю, тому самому, который везетъ хлѣбъ на продажу. Мало на рынкахъ появлялось желѣза и всякихъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, сельскохозяйственныхъ машинъ и принадлежностей къ нимъ, мало стало появляться ситцу, кожи и обуви и всего, что нужно для одежды и для крестьянскаго хозяйства. Кончилось тѣмъ, что хлѣбъ перестали возить на рынокъ, такъ какъ на вырученныя за него деньги нечего было въ городѣ купить.

Старое правительство не позаботилось снабдить сельскіе рынки нужными для деревни товарами, и деревня рѣшила хлѣбъ оставлять про запасъ, такъ какъ деньги утратили покупательное зна-

ченіе и силу, и вслѣдствіе этого утратили привлекательность для сельскаго жителя.

Деревенскій житель разсуждалъ такъ: «хлѣбъ есть хлѣбъ, а деньги, если на нихъ купить нечего,—только простыя бумажки». И, разсуждая такъ, сельскіе жители попридерживали хлѣбъ дома, зная отлично, что онъ всегда пригодится и для себя и для продажи по болѣе высокой цѣнѣ, когда понадобятся деньги.

Произошло то, чего въ Россіи еще не бывало. Хлѣбъ въ странѣ былъ и былъ въ изобиліи, а съ рынковъ онъ исчезъ, продавать его никто не хотѣлъ. Одна часть населенія владѣла запасами хлѣба, а другая часть, которая хлѣба не производила или производила его мало, осталась безъ хлѣба или получала его въ недостаточномъ количествѣ и по очень высокой цѣнѣ.

Въ страшно затруднительномъ положеніи оказались города, особенно тѣхъ губерній, гдѣ хлѣба сѣютъ мало. Въ тяжеломъ положеніи были и сельскіе жители малохлѣбородныхъ губерній, тѣхъ губерній, въ которыхъ крестьянамъ своего хлѣба хватаетъ едва на полгода, а то и меньше. Жители всѣхъ этихъ мѣстностей обыкновенно питаются покупнымъ хлѣбомъ, привезеннымъ изъ хлѣбородныхъ губерній. Теперь же вышло такъ, что купить хлѣба въ хлѣбныхъ губерніяхъ даже и за высокую цѣну трудно.

Одной изъ важныхъ причинъ дороговизны являлось разстройство транспорта, то-есть раз-

стройство въ способахъ и средствахъ перевозки товаровъ. Царскіе министры какъ будто нарочно сдѣлали все возможное, чтобы на желѣзныхъ дорогахъ устроить самую страшную неразбериху, произвести невообразимый хаосъ. Вездѣ по всѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, по всѣмъ станціямъ кричали, что вагоновъ не хватаетъ для погрузки товаровъ, вездѣ лежали горы неотправленныхъ грузовъ, а пустые вагоны перегоняли съ мѣста на мѣсто за сотни и тысячи верстъ; множество товарныхъ вагоновъ стояло въ тупикахъ, на запасныхъ путяхъ, какъ будто за ненадобностью и въ то же время на тѣхъ же станціяхъ не давали вагоновъ подъ самые необходимые хлѣбные и даже военные грузы.

Что же въ это время дѣлалъ министръ путей сообщенія Рухловъ? Онъ заботился о томъ, чтобы на желѣзныхъ дорогахъ служили только приверженцы стараго строя, только монархисты. Всѣ служащіе должны были записываться въ союзъ русскаго народа и въ другіе черносотенные организаціи; способность служащихъ оцѣнивалась лишь постольку, поскольку они проявляли черносотенныя стремленія и дѣйствія.

Развалъ желѣзнодорожнаго хозяйства дошелъ до того, что безъ взятки нельзя было получить ни одного вагона подъ грузы не только частнымъ лицамъ, но и правительственнымъ чиновникамъ. Доходило до того, что даже само всесильное военное вѣдомство принуждено было давать взятки

желѣзнодорожникамъ, чтобы перевезти въ дѣйствующую армію нужные грузы.

Однимъ словомъ, творилось что-то невѣроятное. Желѣзныя дороги образовали государство въ государствѣ, черносотенные желѣзнодорожники смѣло могли объявить себя независимымъ царствомъ и диктовать условія войны и мира.

При министрѣ Рухловѣ разстройство желѣзнодорожнаго движенія было настолько очевидно для всѣхъ, и причины его такъ ясны, что невольно являлась мысль у каждаго, сколько-нибудь знакомаго съ дѣломъ, о злостности, умышленности всѣхъ дѣйствій министра. Все дѣлалось какъ будто нарочно, чтобы создать затрудненія и въ продовольствіи населенія и въ снабженіи всѣмъ необходимымъ нашей арміи и такимъ путемъ помочь нѣмцамъ побѣдить насъ и заставить заключить съ ними сепаратный міръ, отдѣльный отъ нашихъ союзниковъ.

Мысль о злостности дѣйствій Рухлова тѣмъ болѣе была естественна, что на глазахъ у всѣхъ въ Петроградъ приходили цѣлые поѣзда, нагруженные шипучей водой «кувака», принадлежащей дворцовому коменданту Воейкову, а въ то же время въ хлѣбѣ и топливѣ ощущалась въ столицѣ острая нужда только потому, что не хватало вагоновъ для подвоза этихъ грузовъ.

Но не стало лучше желѣзнодорожное хозяйство и тогда, когда удалили, наконецъ, Рухлова, а на мѣсто его сѣлъ Треповъ. То, что испорчено при

Рухловѣ, поправить сразу было трудно, да не отъ царскихъ ставленниковъ можно было и ожидать какихъ-нибудь улучшеній. Они всѣ составляли одну шайку и стремились только къ чинамъ, орденамъ, къ захвату власти и къ набиванію кармановъ всякими путями.

Развалъ желѣзнодорожнаго дѣла продолжался и при Треповѣ, не уменьшилось при немъ и взяточничество, которое, несомнѣнно, вліяло и на дороговизну продуктовъ, такъ какъ купецъ, заплатившій взятку за доставку, напримѣръ, муки, перелагалъ эту взятку на покупателя. А взятки были настолько велики, что, напримѣръ, за разрѣшеніе погрузки вагона мукой давали по 500 и даже по 1000 рублей. Но этого мало. Если вагонъ проходилъ на своемъ пути узловую станцію, то за пропускъ его опять платили. Значитъ, если на пути вагона было нѣсколько узловыхъ станцій, то платили на всѣхъ. Такимъ способомъ цѣнность муки все увеличивалась и увеличивалась, и когда вагонъ прибывалъ, наконецъ, на мѣсто, то оправдывалась старая пословица, что за моремъ телушка—полушка, да рубль перевозу.

То же происходило со всѣми товарами. Поэтому и являлись такія несообразности, что въ Москву, напримѣръ, задерживалось прибытіе хлѣбныхъ грузовъ, зато чуть не цѣлыми поѣздами приходили южные фрукты, которые нужны только богатымъ и состоятельнымъ людямъ, платящимъ за нихъ такую цѣну, какую торговецъ спроситъ.

Прибывали даже изъ-за границы предметы роскоши: бархатъ, шелковыя матеріи, дрогоцѣнныя вещи, духи и проч., а хлѣба не хватало изъ-за недостатка вагоновъ.

Кромѣ разстройства желѣзнодорожнаго хозяйства и недостатка вагоновъ, кромѣ взяточничества, какъ будто нарочно старались разстроить дѣло продовольствія страны разные правительственные чиновники: губернаторы, уполномоченные и всякія другія лица, назначенныя министрами внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія.

Всѣ они дѣйствовали каждый на свой салтыкъ, безъ общаго плана, каждый проявлялъ всю полноту власти и распоряжался какъ царь и Богъ, никто ему прекословить не могъ.

Губернаторы, напримѣръ, своею властью запрещали вывозъ изъ своихъ губерній тѣхъ или иныхъ продуктовъ, хотя бы этихъ продуктовъ и было тамъ изобиліе, а въ другой губерніи чуть не умирали съ голоду.

Разные уполномоченные самовластно реквизировали, забирали продукты, закупленные городами и обществами для прокормленія населенія, отправляли на фронтъ въ армію не тѣ продукты, какіе требовались, и не въ томъ количествѣ, какое было нужно. Иногда фронтъ заваливали такимъ огромнымъ количествомъ продовольственныхъ продуктовъ, что тамъ дѣвать ихъ было некуда, и они портились. Тогда приходилось ихъ вывозить обратно въ тылъ, внутрь страны, загромождать желѣзнодо-

рожные пути ненужными поѣздами и занимать вагоны, которыхъ и безъ того было мало.

Происходили такія переселенія даже и со скотомъ. Иногда убойный скотъ пересылали на фронтъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что его тамъ кормить было нечѣмъ, и онъ падалъ отъ безкормицы, а въ тылу, внутри страны, въ то же время ощущался недостатокъ мяса. Тогда истощенный голодомъ скотъ начинали перевозить обратно въ тылъ. Скотъ валился по пути и приходило на мѣсто незначительное количество быковъ, представлявшихъ изъ себя кожу да кости.

Такими безумными дѣйствіями власть расшатывала продовольствіе какъ тыла такъ и фронта, и, въ концѣ-концовъ, разруха всего хозяйства страны дошла до того, что Россія очутилась на краю пропасти.

Такое положеніе создалось не сразу. Разстройство хозяйственной жизни страны наростало постепенно, постепенно увеличивалась въ теченіе трехъ лѣтъ войны дороговизна продуктовъ первой необходимости, обнаруживался день за днемъ недостатокъ товаровъ, разстраивалось снабженіе и снаряженіе арміи, расшатывался желѣзнодорожный составъ и разстраивалось движеніе по желѣзнымъ дорогамъ.

Русское государство шло къ полной разрухѣ у всѣхъ на глазахъ. Разруху эту можно было предвидѣть и предвидѣли многіе. Говорила о ней Государственная Дума, говорили на всероссій-

скихъ съѣздахъ Земскаго и Городского союзовъ, говорили на разныхъ собраніяхъ, говорили и въ газетахъ. Благоразумные люди предупреждали правительство, предупреждали царя, что такъ управлять страной нельзя, что ее ведутъ къ гибели неразумные или преступные люди и что, въ концѣ-концовъ, нѣмцы придутъ и завладѣютъ всей Россіей.

Ни правительство ни царь не обращали вниманія ни на Государственную Думу, ни на обращенія къ нему Земскаго и Городского союзовъ, ни тѣмъ болѣе на то, что писали въ газетахъ. Мало того, всѣ эти указанія, мольбы, просьбы, совѣты и предупрежденія признавались вредными, волнующими населеніе и чуть не преступными.

Старому правительству для собственнаго спокойствія нужна была тишина. Его самого волновали рѣчи, раздававшіяся въ Государственной Думѣ, рѣчи, полныя гнѣва и негодованія на царскихъ слугъ, министровъ, дѣлающихъ все такъ, что лишь бы имъ было хорошо, а послѣ нихъ хоть трава не расти, хоть потопъ.

И вотъ, для того, чтобы не слышать горькихъ и справедливыхъ упрековъ со стороны народныхъ представителей, министры старались добиться у царя роспуска Государственной Думы раньше срока, а потомъ, распустивши ее, старались не собирать какъ можно дольше. Это имъ удавалось дѣлать нѣсколько разъ въ продолженіе войны.

Съ Земскимъ и Городскимъ союзами справиться правительству было легче. Опираясь на военное положеніе, съѣзды союзовъ не разрѣшались, а когда члены союзовъ, земцы и горожане, собирались на совѣщанія, то начальство ихъ закрывало и силою заставляло съѣхавшихся расходиться.

И ужъ совсѣмъ легко было справиться правительству съ печатью, съ газетами и другими печатными изданіями. Для того, чтобы въ нихъ непечаталось ничего неугоднаго правительству, установлена была строгая цензура. Это значитъ, что всѣ статьи, все то, что написано для газеты, должно было просматриваться сначала особыми чиновниками, поставленными правительствомъ. Чиновники (цензоры) вычеркивали изъ статей все, неугодное правительству, и только тогда разрѣшали печатать.

Чиновники эти старались такъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, что вычеркивали даже и то, о чемъ можно было говорить въ газетахъ совершенно свободно. Дѣлали они это для того, чтобы сохранить свое положеніе, ради своей собственной безопасности. Они отлично знали, что лучше перестараться, чѣмъ недостараться. Если перестараешься, и вычеркнешь изъ газеты или книжки лишнее, больше, чѣмъ нужно, то тебѣ за это ничего не будетъ отъ высшаго начальства. Если же недостараешься и проглядишь что-нибудь, что высшее начальство считаетъ важнымъ, и появятся въ

газетѣ нежелательныя для него слова и мысли, то пощады не жди и, пожалуй, полетишь съ мѣста.

И вотъ стараніями высшаго начальства, министровъ, и усердіемъ цензоровъ печать (газеты и книги) приведена была къ полному молчанію. Дошло до того, что запрещено было употреблять въ газетахъ слово «дороговизна» продуктовъ и товаровъ, нельзя было говорить о «разстройствѣ желѣзнодорожнаго транспорта», т.-е. желѣзнодорожнаго движенія и т. п.

Такими способами и путями Россія была приведена къ полному молчанію.

Молчала Государственная Дума, потому что созывать ее не желали, молчали союзы Земскій и Городской, потому что ихъ съѣзды были подъ запретомъ, профессіональныя и другія общества молчали, потому что ихъ старались постепенно закрывать, и, наконецъ, молчала печать, потому что на ней лежала тяжелая могильная плита чиновничьей цензуры.

Доведя страну до такого рабскаго молчанія, преступное правительство могло смѣло сказать: «молчать, потому что благоденствуютъ». Оно на самомъ дѣлѣ такъ и говорило. Оно говорило это устами своихъ министровъ пріѣзжавшимъ въ Россію иностранцамъ, оно говорило это и нашимъ союзницамъ: Англіи и Франціи, когда царскіе министры ѣздили туда занимать деньги на разорительную войну.

«У насъ все благополучно, все спокойно,—твердили министры въ родѣ Сухомлинова,—народъ раб-

ски преданъ царю, а кучка безпокойныхъ революціонеровъ ничтожна, она не имѣетъ корней въ народѣ и съ нею справиться легко. Въ Государственной Думѣ только шумятъ и дальше шума не пойдутъ. Правда, этотъ шумъ мѣшаетъ правительству работать, поэтому-то государь и призналъ за благо какъ можно рѣже собирать Думу и при первомъ же шумѣ распускать ее, чтобы она не волновала страну своими безпочвенными рѣчами, не надоѣдала бы правительству пустыми запросами и вопросами и не тревожила бы его, государя императора, своими выступленіями, задѣвая даже его семейную жизнь въ такое время, когда онъ рѣшилъ вести войну до побѣднаго конца и взялъ на себя верховное командованіе арміей».

Вотъ что говорили царскіе министры французскимъ и англійскимъ министрамъ, стараясь скрыть отъ нихъ правду и стремясь оправдать свое поведеніе и распоряженія и указы царя о подавленіи въ народѣ всякаго недовольства, всякаго свободнаго слова и о зажиманіи рта Государственной Думѣ путемъ роспуска ея въ горячій моментъ ея работы и нежеланія созывать ее вновь.

А вотъ какъ описывалъ положеніе Россіи предсѣдатель всероссійскаго Земскаго союза, теперь глава временнаго народнаго правительства кн. Г. Е. Львовъ, въ своей знаменитой рѣчи 9 декабря 1916 г. въ Москвѣ, на неразрѣшонномъ старымъ правительствомъ съѣздѣ уполномоченныхъ губернскихъ земствъ:

«Мы не видѣлись съ Вами 9 мѣсяцевъ. Со времени послѣдняго собранія нашего 12 марта измѣнились соотношенія государствъ, измѣнились соотношенія воюющихъ народовъ, произошли громадныя измѣненія въ ихъ духовной жизни, измѣнились отдаленные и близкіе историческіе горизонты, не измѣнилось только наше правительство. Его война съ общественными силами, сперва затаенная, а затѣмъ открытая, ведется имъ внѣ всякаго соотвѣтствія съ міровыми событіями и внѣ зависимости отъ участія нашего государства. Пусть потопъ несчастія затопитъ нашу родину, пусть великая Россія станетъ данницею нѣмцевъ, лишь бы имъ сохранить свое личное старое благополучіе.

Всѣ силы власти своей они направили на устраненіе общественныхъ силъ отъ великаго и сложнаго дѣла организаціи страны для побѣды, не выполняя сами самыхъ важныхъ и прямыхъ своихъ обязанностей въ этой области. Путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни они неустанно готовятъ почву для позорнаго мира и вотъ уже не въ предчувствіи грозной опасности, а въ состоявшемся полномъ разрывѣ идеала русскаго народа съ дѣйствительной жизнью, мы должны сказать теперь имъ: «Вы злѣйшіе враги Россіи и престола, вы, привели насъ къ пропасти, которая развернулась передъ Русскимъ царствомъ».

«Отечество въ опасности. Отъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы до послѣдней

землянки всѣ чувствуютъ это одинаково. Всѣхъ охватила одна великая тревога за отечество. Высокое святое чувство за родину-мать объединило всѣхъ и въ немъ надо искать спасенія».

«Что же намъ дѣлать? Отдадимъ себѣ отчетъ въ нашемъ собственномъ положеніи, въ нашихъ силахъ и въ нашемъ долгѣ передъ родиной въ смертельный часъ ея бытія. Оглянемся назадъ на пройденный нами путь, взглянемъ на нашу путеводную звѣзду. Не для борьбы съ правительствомъ пошли мы на государственную работу. Міровыя событія позвали насъ къ государственнымъ дѣламъ и надо быть справедливыми гг. къ самимъ себѣ. Русская общественность не потерялась передъ неожиданностью поставленныхъ передъ нею задачъ, не растерялась и передъ растерянностью и безсиліемъ власти. Я не собираюсь излагать передъ вами исторію роста нашей общественной государственной работы отъ перваго робкаго милліона до милліарда рублей покрывшаго сложной сѣтью общественныхъ организацій всѣ фронты и всю внутреннюю Имперію. Вы лично прошли этотъ тяжелый путь государственнаго труда подъ непрестаннымъ обстрѣломъ враждебной къ вашей работѣ власти. Я хочу только указать вамъ на тотъ фактъ, что по мѣрѣ роста участія народныхъ силъ въ дѣлѣ спасенія родины росла и враждебность къ общественнымъ силамъ власти. Мы исполняли нашъ долгъ, все, что не одолѣвалъ сдѣлать старый аппаратъ государственной власти, дѣлали мы—общественныя силы. Но въ

этомъ все возрастающемъ ростѣ горячей общественной работѣ на міровомъ пожарѣ, въ этой организованной общественности власть видѣла и видитъ не радостное спасительное явленіе, а личную себѣ гибель, гибель старому строю управленія».

«Какъ будто общественная работа, неразрывно связанная съ подвигами арміи на спасеніе родины, является борьбой за власть. Не о власти идетъ дѣло, а о судьбѣ родины, участи арміи и о путяхъ къ побѣдѣ. Они ведутъ борьбу за власть въ своихъ рукахъ, а мы за цѣлость, величіе и честь Россіи.

«Страна совершенно равнодушна къ борьбѣ за власть и къ происходящимъ наверху личнымъ перемѣнамъ. Она давно утратила вѣру въ возможность возстановленія нарушеннаго правительствомъ величаваго образа душевной цѣльности и согласія жизни государственной перемѣной лицъ. Страна жаждетъ полнаго обновленія и перемѣны самого духа власти и пріемовъ управленія.

«Власть уже отдѣлилась отъ жизни страны, она не стоитъ во главѣ побѣднаго духа народнаго. Народъ ведетъ войну, напрягая свои силы безъ руководства власти. Власть бездѣйствуетъ, ея механизмъ не работаетъ, она вся поглощена борьбой съ народомъ. Старая государственная язва розни власти съ обществомъ покрыла собой, какъ проказой всю страну, не пощадивъ и чертоговъ царскихъ, и страна страдаетъ и молитъ объ исцѣленіи. Развѣ не сознаемъ мы, что надъ нами сбываются слова Евангелія: «Царство, раздѣлившееся

само въ себѣ, опустѣетъ». Развѣ не чувствуемъ мы, что великое царство наше раздѣлилось само въ себѣ, что раздѣленіе это происходитъ снизу доверху и дошло до самого сердца, до самого источника власти.

«Въ такія минуты, господа, нужны прежде всего самообладаніе и спокойствіе. Нужна вѣра въ силы Россіи и мудрость народа. Нужна ясная цѣль и опредѣленная воля къ ней. Мы взывали къ власти, мы указывали на пропасть, къ которой они ведутъ царство и царя. Теперь на самомъ краю пропасти, когда, можетъ-быть, осталось нѣсколько мгновеній для спасенія, намъ остается воззвать только къ самому народу, къ Государственной Думѣ, законно представляющей весь народъ русскій, и мы взываемъ къ ней. Душа народная скорбитъ смертельно и тоскуетъ, какъ въ смертныхъ мукахъ. Прислушайтесь къ нимъ, поймите ихъ, не расходитесь и найдите, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, пути спасенія родины. Будемъ всѣ на-стражѣ тяжко раненаго властью нашего дорогого отечества и спасемъ его. Ибо никто уже его спасти не можетъ, кромѣ самого народа. Только высокій подъемъ духа народнаго, только національный подвигъ можетъ спасти наше погибающее отечество. Вдохнемъ же въ него новыя силы, подымемъ его на высоту духа, передъ которой не устоятъ никакія препятствія, откуда бы они ни шли, на нашемъ послѣднемъ пути къ конечной цѣли нашей — къ побѣдѣ надъ врагомъ и спасенію цѣлости величія и чести родины.

«И да сбудутся слова писанія: «Камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главой угла».

А между тѣмъ война продолжалась и требовала напряженія послѣднихъ силъ. Для всѣхъ было ясно, что побѣдитъ въ этой войнѣ только тотъ, кто лучше сомкнетъ свои силы, сорганизуетъ страну для борьбы, для сопротивленія, потому что эта война, война не правительствъ, не царей, а народовъ. Германія это понимала и сразу организовала всѣ свои силы. Поняли это и наши союзники: французы, англичане и итальянцы, и они тоже противопоставили организованной Германіи организованныя народныя массы. А наше царское правительство всѣ усилія употребляло, чтобы распылить народную мощь, дезорганизовать и тѣ ячейки народныхъ силъ, которыя успѣли сплотиться въ сознаніи военной опасности.

Дѣйствуя такъ въ теченіе всей войны, царь вмѣстѣ со своими министрами привелъ Россію на край гибели. Но здоровое тѣло русскаго народа заключало въ себѣ и здоровый духъ; въ минуту крайней опасности народъ сплотился и сбросилъ съ себя ненавистное правительство вмѣстѣ съ царемъ.

Теперь самъ русскій народъ сталъ кузнецомъ своего счастья, самъ будетъ устраивать свои дѣла и самъ будетъ выбирать себѣ правительство. Но въ какомъ же разрушенномъ видѣ осталась страна и все государственное хозяйство послѣ стараго, негоднаго правительства! Какъ много надо приложить усилій и труда новому народному прави-

тельству, чтобы хоть отчасти наладить и исправить пришедшій въ негодность весь государственный механизмъ и расшатавшееся народное хозяйство всей страны, всей огромной Россіи!

Передъ такой задачей пришлось бы очень и очень призадуматься даже и въ мирное, спокойное время. А вѣдь теперь война, которая не можетъ остановиться, не можетъ подождать, пока правительство и народъ соберутся съ силами. Война требуетъ ежедневныхъ о себѣ заботъ, каждый день долженъ припасти этому ненасытному чудовищу огромное количество военныхъ, боевыхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ. Арміи нуженъ хлѣбъ, обувь, одежда, оружіе и снаряды ежедневно и даже ежечасно, потому что бои и наступленія противниковъ отложить нельзя. Врагъ не ждетъ, а старается пользоваться каждой нашей оплошностью, каждымъ замѣшательствомъ и затрудненіемъ, чтобъ нанести ударъ. Однимъ словомъ, для того, чтобы отражать нападеніе врага, нужно незамедлительное и безпрерывное снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ для ея существованія и для способности ея къ бою.

Въ какомъ же положеніи оставило старое правительство дѣло снабженія и снаряженія арміи? Чтобы понять всю опасность, которой подвергалась Россія наканунѣ революціи, довольно привести здѣсь только одно живое свидѣтельство крупнаго участника переворота. Когда старое царское правительство было свергнуто, и мѣсто его заняли министры временнаго народнаго пра-

вительства, то оказалось, что наша самоотверженная и многострадальная армія находится наканунѣ полнаго голоданья. Народный министръ земледѣлія Андрей Ивановичъ Шингаревъ въ одной изъ своихъ рѣчей на всероссійскомъ съѣздѣ союза городовъ сказалъ: «когда я только что вступилъ въ министерство и сталъ разбираться въ свѣдѣніяхъ по снабженію арміи хлѣбомъ, то я пришелъ въ ужасъ и волосы у меня стали дыбомъ». Оказалось, что царское правительство такъ хорошо заботилось объ арміи, что послѣ его сверженія во многихъ частяхъ арміи и притомъ на самомъ фронтѣ хлѣбныхъ запасовъ оставалось всего *на полъ-дня*, а въ нѣкоторыхъ частяхъ *ничего не оставалось*.

Можно повѣрить министру земледѣлія Шингареву: отъ такого ужаса волосы встанутъ дыбомъ. Подумайте только: у великой арміи великой Россіи хлѣба остается па полъ-дня, а въ нѣкоторыхъ частяхъ не остается ничего!

Вѣдь это значитъ, что царское правительство довело дѣло до того, что армія наша была наканунѣ полнаго голода. Можно съ ума сойти отъ такого ужаса!

Вотъ, что оказалось послѣ сверженія предательскаго царскаго правительства. Вотъ какое тяжелое наслѣдство пришлось принять новому народному правительству. Не ясно ли, что Россія стояла у края гибели, и только революція ее спасла.

Народъ призналъ новое временное правительство и передалъ ему черезъ Государственную Думу всю

власть. Временное правительство черпаетъ силу изъ страны и отвѣтственно передъ народомъ. Въ этомъ его мощь и тяжесть его положенія. Оно приняло скверное наслѣдство отъ царскаго правительства, оно взялось управлять государствомъ, доведеннымъ при старомъ строѣ до полной разрухи. Ему приходится теперь разрушать негодное, построенное царскими слугами, и строить новое на спѣхъ, потому что время военное и откладывать нельзя, ему приходится возобновлять хорошее, разрушенное прежними министрами, ему необходимо создавать планы на будущее, чтобы ввести взволнованную революціей жизнь народа въ опредѣленное русло съ ясными задачами и цѣлями впереди.

Вся огромность, почти необъятность дѣла, взятаго на себя временнымъ правительствомъ, можетъ быть выполнена только тогда, когда оно будетъ опираться на всю народную, демократическую Россію, когда оно будетъ прислушиваться къ голосу народа и заручится его полнымъ довѣріемъ.

Только тогда государственная разруха, до которой довели Россію царскіе министры вмѣстѣ съ самимъ царемъ, будетъ исправлена, когда весь народъ приложитъ всѣ свои силы къ дружной работѣ съ правительствомъ, которому онъ вѣритъ.

Теперь настало время, когда между правительствомъ и народомъ не должно быть розни. Правительство безъ поддержки народа и безъ его довѣрія существовать не можетъ.

А. Ульяновъ.

ГРАЖДАНЕ!

Отечество въ опасности. И молодая русская свобода въ опасности. Германскія полчища рѣшили двинуться къ Петрограду. Они еще далеко, еще есть возможность отразить ударъ, который грозитъ параличомъ главному центру страны и смертью нашимъ вольностямъ.

Оставимъ раздоры, объединимся для обороны свободы и родины, объединимся вокругъ временнаго правительства, которое является истиннымъ національнымъ правительствомъ обороны. Оно создано революціей въ первомъ возвышенномъ порывѣ всей націи отъ мрака къ свѣту. Оно состоитъ изъ людей таланта, энергіи безупречной честности. Оно представляетъ всю націю, всѣ слои населенія, всѣ классы общества. Соціалисты и буржуазная демократія, люди труда и имущіе классы,— всѣ вы найдете въ составѣ временнаго правительства плоть отъ плоти своей и,—что еще важнѣе,—духъ отъ духа своего! И оно спаяно въ одно цѣлое великимъ патріотизмомъ и крѣпкой волей спасти Россію, спасти только что народившуюся русскую свободу.

Вѣрьте,—исполнилось время, наступила послѣдняя роковая минута, въ которую рѣшаются судьбы отечества. И мы бьемъ въ набатъ о великой опасности, угрожающей святому дѣлу революціи, свободѣ русскихъ гражданъ и независимости Россіи.

Граждане! Теперь все поставлено на карту, и ключъ къ спасенію—въ нашемъ единодушіи, въ объединеніи нашемъ вокругъ временнаго правительства, въ дружной, самой напряженной работѣ. Рабочіе и интеллигенты, крестьяне и горожане, соціалисты и либералы,—помните въ эту минуту, что мы всѣ, всѣ— прежде всего русскіе граждане, сыны одной родины!